

Коллективный сборник состоит из научных трудов по трем направлениям гуманитарных исследований — философии, литературоведению и лингвистике.

The collective scientific work includes papers contributing to three areas of the Humanities — philosophy, history and criticism of literature, linguistics.

Das kollektive wissenschaftliche Werk enthält Beiträge, in denen drei Richtungen der Geisteswissenschaften erforscht werden, und 7\var Philosophic Literaturgeschichte und Linguistik.

*Авторы выражают глубокую благодарность редакции газеты * Невское время» за отзывчивость и оказанную помощь в издании этого сборника научных трудов.*

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИЗ ОПЫТА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных трудов

Ответственный редактор
Б. Я. Мисонжников

Санкт-Петербург
Акционерное общество «Фантомы»
1993

^{В1} Об отношении Толстого к Шопенгауэру см., в частности: Эйхенбаум Толстой и Шопенгауэр: (К вопросу о создании «Анны Карениной») // Литературный современник. 1935. № 11. С. 134—149; Baer J. A. Anregungen Schopenhauers in einigen Werken von Tolstoj // Die Welt der Slaven. 1978. H. 2 S. 225—247; Thiergen P. Schopenhauer in Russland: Zum 200. Geburtstag des Philosophen // Slavistische Studien zum X. internat. Slavistenkongress in Sofia / Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Köln; Wien. 1988. S. 581—591.

^{В2} См.: Минский Н. М. При свете совести: Мечты и мысли о цели жизни. СПб., 1890. С. 57.

^{В3} Ницше Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 547.

^{В4} Nietzsche F. 1) Gotzen-Dämmerung: Wie man mit dem Hammer philosophiert. 4. Aufl. Leipzig, 1896; 2) Jenseits von Gut und Böse: Vorspiel einer Philosophie der Zukunft. 2. Aufl. Leipzig, 1891.

^{В5} См. соответственно: Ницше Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 281, 289, 291—305, 373—374.

^{В6} См.: Чертков В. Г. О значении Ницше // Свободное слово. 1905. № 16. Стб. 28—30; № 17. Стб. 38—41.

^{В7} См.: Гусев Н. Н. Указ. соч. (1891 — 1910). С. 639.

^{В8} Ницше Ф. Критика высших ценностей: О происхождении религии // Новый путь: Ежемесячный журнал. Второй год изд. 1904. Сентябрь. С. 240—255.

^{В9} К истории этой статьи см.: Коренева М. Ю. Д. С. Мерсжковски и немецкая культура: (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы Л., 1991. С. 76.

^{В10} См.: Nietzsche F. Umwertung aller Werte. S. 165, 183—223.

^{В11} Ницше Ф. Критика высших ценностей. С. 250.

^{В12} Цит. по примеч. Н. Н. Гусева (42.662). (Курсив — Р. д.).

^{В13} Ницше Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 2. С. 480 (перевод К. А. Свасьяна сколько изменен нами в соответствии с подлинником).

В. И. Коньков

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ПРЕДМЕТНОЙ СЕМАНТИКИ

Существование отдельного человека, его жизнь тесно связаны с таким порождением человеческой культуры, как текст. Среди множества проблем, постановка которых помогает понять особенности существования человека конца 20 века, его взаимоотношения с окружающим миром, проблема человек и текст является одной из наиболее важных, свидетельство чего — существование таких философских направлений, как, например, герменевтика¹, где понимание текста возводится на уровень миропонимания. Отношения человека и текста многообразны. Мы остановим внимание на одном аспекте — человек и тексты (или фрагменты текстов) с семантикой предметного типа. При этом мы посмотрим на проблему глазами лингвиста, стараясь оставаться в рамках лингвистической науки, используя ее понятийный аппарат, технику исследования и стиль мышления. В то же время мы видим свою задачу в том, чтобы поставить перед собой не отдельные узколингвистические вопросы, а попытаться понять общий характер взаимодействия субъекта речи с текстами такого типа, уяснить роль текстов с предметной семантикой в формировании образа мира, в выражении собственного представления об этом мире и отношения к этому миру.

Суть той идеи, которая положена в основу предлагаемой работы, заключается в том, что семантическое пространство, окружающее человека при его погружении в текст, становится все более многомерным, а семантические объекты (слова, словосочетания, предложения) все более усложняют свою структуру, увеличивая свой смысловой вес, изменяя соотношение отдельных компонентов значения и их качественный характер. При этом вырабатываются и новые способы формирования смысла текста.

Предметная семантика в языке противопоставляется значениям отвлеченного типа (событийные значения, фактообразующие абстрактные). В этом противопоставлении зафиксирована прежде всего резкая противопоставленность двух сфер существования человека. С одной стороны, человек живет в мире материальных объектов, которые он воспринимает своими чувствами: зрением, слухом, обонянием, осязанием. С другой стороны, значительный объем его жизнедеятельности связан с миром знаний, с объектами нематериального характера, представленными (через посредство текстов) различного рода языковыми значениями. Человек,

таким образом, существует одновременно как бы в двух мирах материальном и идеальном, мире предметов и мире знаний.

Противопоставление это носит в языке фундаментальный, основополагающий характер и находит отражение в различных объектах и уровнях языковой системы. Так, в структуре предложения эта противопоставленность нашла свое выражение в функциональной противопоставленности двух главных членов предложения, подлежащего и сказуемого. Позиция подлежащего предназначена для реализации значений предметного типа, функция подлежащего — название. Позиция сказуемого предназначена для реализации значений отвлеченного типа, функции сказуемого — характеристика. Семантическая структура предложения гетерогенна. В позиции подлежащего слова реализуют способность называть предметы, подлежащее обращено к миру предметов. В позиции сказуемого слова реализуют способность давать характеристику предмету, соотнося его с тем или иным понятием из мира знания. Предложение, таким образом, предстает в виде своеобразного интеллектуального механизма, устанавливающего соответствие, взаимосвязь между материальными и идеальными объектами в связи с практическими потребностями субъекта речи в конкретной коммуникативной ситуации.

Значения предметного типа выражаются лексическими единицами — словами и словосочетаниями. Значение таких слов может быть определено указанием на соответствующий предмет. Восприятие предметного значения апеллирует к чувствам человека, к его индивидуальному жизненному опыту. Например, значение слова «лимон» опирается на знание человеком внешнего вида лимона, его формы, цвета, запаха, вкуса, на знания, получаемые с помощью осязания.

Внутренняя структура значения предметного слова также обусловлена противопоставленностью мира предметов и мира знаний. Так, слово «лимон» может обозначать в разных конкретных ситуациях и конкретный лимон (Дай мне вон тот лимон), и понятие о классе предметов (Лимон используют при изготовлении напитков). В тексте предметная лексика может составлять основу образительности именно благодаря тому, что за словом с предметным значением всегда стоит предмет со всеми его разнообразными качествами и признаками. «...Имена естественных реалий, входящих в мир говорящих на данном языке, — пишет Н. Д. Арутюнова, — и эмпирически (или через изображение) им знакомых, представляют собой «образ мира, в слове явленный», и это подтверждается тем, что этот пласт лексики составляет основу образных средств языка — метафоры и фразеологизмов. Идентифицирующие значения по природе своей дескриптивны, «портретны».²

Текст с предметной семантикой — это текст, сформированный на основе лексических единиц с предметным значением. Существуют две разновидности таких текстов. Одни типы текстов используют способность слова обозначать конкретный предмет, другие —

актуализируют весь понятийный объем значения слова. Текст первого типа может отображать реальный мир, а также может создавать образ вымышленного, несуществующего мира. Такой текст можно пересказать своими словами. Изображение* можно воспроизвести на картине. Обычно такие тексты опираются на зримые образы. Классическим образцом являются, например, тексты, созданные И. Тургеневым: «Но вот вы отъехали версты четыре... Край неба алеет; в березах просыпаются, неловко перелетывают галки; воробьи чирикают около темных скирд. Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, белеют тучки, зеленеют поля. В избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заspanные голоса» (Лес и степь). Принципиальное отличие текстов такого типа в том, что каждое слово с предметным значением реализует здесь свою способность указывать, обозначать реалии вещного мира.

Тексты другого типа реализуют прежде всего понятийную сторону значения слова. Такой текст (обычно это текст поэтический) состоит из слов, которые нельзя заменить другими словами.³ Его нельзя пересказать, нельзя изобразить на картине. Здесь важно не просто указать на предмет, а важно смысловое наполнение слова в целом со всей сложной системой наполняющих значение элементов, а также взаимодействие смысла с ритмической организацией текста:

**Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.
Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...**

(А. Блок. На железной дороге).¹

Обращенность текста с предметной семантикой к сфере чувств позволяет читателю при чтении текста идентифицировать себя с субъектом повествования, читатель невольно мысленно ставит себя на точку зрения автора. Эта идентификация осуществляется также благодаря тому, что характер отбора деталей, направление художественной конкретизации всегда связаны с какой-то определенной точкой зрения. В литературе XX века эта точка зрения чаще всего — точка зрения персонажа. Автор формирует текст с точки зрения героя. В литературе существует много классических образцов таких способов построения текста. Чрезвычайно интересным и показательным в этом отношении является рассказ Ю. Казакова «Арктур—гончий пес». Главный персонаж — слепой пес. Окружающий собаку мир — это мир звуков и запахов. Текст формально строится от лица автора, однако подбор деталей выявляет точку зрения, смещенную в сторону восприятия мира этим необычным персонажем. В рассказе дана прежде всего звуковая

сторона жизни города, его запахи: «Это был необычный город. Почти все лето стояли в нем белые ночи. Набережная и улицы его были негромки и задумчивы. По ночам возле домов раздавался отчетливый дробный стук — это шли рабочие с ночной смены. Шаги и смех влюбленных всю ночь слышались спящим. Казалось, что у домов чуткие стены и что город, притаившись, вслушивается в шаги своих обитателей. Ночью наш сад пах смоудиной и росой, с террасы доносился тихий храп доктора. А на реке бубнил мотором катер и пел гнусавым голосом: «Ду-ду-ду. . .»

Важная особенность человеческого мышления, обусловленная взаимодействием человеческого сознания и слов с предметным значением, выявляется при изучении процессов метафоризации. С одной стороны, метафора является одним из способов преодоления линейности текста с целью отражения в нем нелинейного характера человеческого мышления.⁴ С другой стороны, в художественной речи метафора как средство создания образа обладает не только изобразительностью, метафору отличает наличие большого выразительного потенциала. Слово с предметным значением, подвергшееся метафоризации, несет на себе печать авторской индивидуальности:

**Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.
Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
Благоуханна и пышна.
На зло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня (А. Фет).**

В то же время эта авторская индивидуальность формирует своеобразие поэтического языка эпохи. Метафорический строй лирики А. Фета характерен для поэзии России середины XIX века в целом. В основе лежат процессы персонификации природы, природные реалии (времена года, суток, деревья, цветы, птицы) связаны между собой отношениями, подобными тем, которые существуют в человеческом обществе. В частности, большое значение имеют ценностные отношения, содержащие всю гамму оценок: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные и телеологические.⁵

Метафора может определять отдельные специфические особенности поэтического мышления в том или ином языке в целом. Н. Д. Арутюнова пишет о том, что семантические отношения в сфере имен чувств во многом определены теми метафорическими образами огня и жидкости, которые лежат в основе интерпретации, представления эмоционального мира человека:⁶ огонь страстей, волшебный яд желаний, последняя капля, которая

переполняет чашу терпения, и др. Творчество В. Высоцкого национально в том числе и потому, например, что способы использования автором метафоризированной предметной лексики хорошо укладываются в традиции русской поэзии:

**Как во смутной волости
Лютой, злой губернии
Выпадали молодцу
Все шипы да тернии.
Он обиды зачерпнул
Полные пригоршни.
Ну а горюшка хлебнул —
Не бывает горше.
Пей отравы, хоть залейся...**

В некоторых случаях метафоризированная предметная лексика способна затруднять восприятие текста человеком. Это имеет место в тех случаях, когда выразительная сторона метафоры начинает подавлять изобразительность. Слово с трудом восстанавливает свою предметную соотнесенность:

**Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты (В. Маяковский).**

Речь в этом отрывке, как известно, идет о том, как в город приходит вечер: гаснут белый и багровый цвета дня и заката, зажигается свет в окнах, в зеленой листве деревьев засветились фонари. В таких случаях соотнесенность слова с предметом восстанавливается либо благодаря контексту, либо на основании понимания общего строя образов данного художника, либо на основании специальных комментариев, сопровождающих текст.

Отношения человека со словами предметной семантики в поэтическом тексте вообще сложны, так как «стихотворная форма лишает прагматические переменные высказывания внешней семантической соотнесенности».⁷ Слово в поэтическом тексте, даже если это слово с предметной семантикой, всегда испытывает тяготение к сфере отвлеченной семантики. Еще большую степень отвлеченности слова с предметным значением приобретают в процессе символизации. «Превращение в символ увеличивает значимость образа, — пишет Н. Д. Арутюнова. — До символа возвышаются, поднимаются, вырастают, разрастаются. . . Символ может скрывать за собой непознанное и непознаваемое».⁸ Поэтический символ требует интерпретации в системе поэтических и эстетических категорий конкретного писателя. Слово — символ, не теряя предметной соотнесенности, выражает идеалы художника, глубинные основы его миропонимания. Фонарь и аптека в известном стихотворении А. Блока — это, с одной стороны, реальные предметы в формируемой картине мира:

**Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.**

С другой стороны, это символ бессмысленной повторяемости бытия:

**. . .И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.**

Символ может быть общепозитическим достоянием, лишенным печати авторской индивидуальности. Так, слово «плащ» в поэзии выступает как символ одежды вообще, одежды, лишенной индивидуальных признаков, одежды, которая не может подвергнуться в тексте процессу художественной конкретизации. Назначение плаща — быть защитой, скрывать личный, внутренний мир, скрывать от глаз людских то, что не следует знать другим. Именно плащ часто — атрибут дуэли, любовного свидания:

**В полях под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних выюг,
От зимних выюг (Р. Берне).**

**Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла (А. Блок).**

**И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись (А. Блок).**

**Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной. . . (А. Пушкин).**

**Закинув плащ, с гитарой под рукою,
К ее окну пойдем в тиши ночной. . . (В. Сологуб).**

**Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном (А. Пушкин).**

Символизация слов с предметным значением может происходить и в сфере прозаической, разговорной, художественной речи. Так обстоит дело со словами, являющимися названиями тех лиц, растений, животных, птиц, существование которых тесно связано с повседневной жизнью человека. Сюда можно отнести такие, например, слова, как береза, лиса, ворона, конь и другие. Значение этих слов для русского человека, для русского языка не может быть исчерпано указанием на соответствующий предмет. Та или иная качественная характеристика существования живых существ, растений подвергается оценке и начинает осмысливаться как самостоятельная сущность. Слово начинает обозначать и предмет, и отвлеченное понятие: хитрая лиса — хитрость лисы — лиса как символ хитрости; верный конь — верность коня — конь как символ верности. Для русского человека слово «граб» — обозначение древесной породы, но слово «береза» — это не только название дерева, это символ России, символ нации.

Любопытны, например, также символические значения, которые обретают слова, обозначающие атрибутику различного рода игр. В. В. Виноградов, анализируя символику карт и карточного языка, писал о том, что «для гадательной мифологии характерна персонификация карт, слияние карты с тем символическим образом, который она представляет. Название карты становится условным символом личности, события или движущей силы, причины происшествий».⁹

Особую проблему представляет существование слова с предметным значением в текстах с семантикой отвлеченного типа. Наиболее часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда слово с предметной семантикой попадает в текст, где оно вынуждено сталкиваться с семантикой событийного типа, — текст, где рассказывается о событиях, о складывающемся положении дел, о ситуациях, в которых оказывается персонаж, о совершаемых им поступках. Такой текст содержит оценки, он пронизан отношением автора и персонажей к высказываемым суждениям, происходящим событиям. Семантика событийного типа выражается в языке предложением. И вот слово с предметным значением попадает в предложение, обозначающее событие. Обратим внимание, например, на слово «дождь» в следующем контексте «Страда была трудной. Исполняя приказ о раздельной уборке, скосили в валки почти весь хлеб. А тут зарядили дожди. Комбайнеры в кровь разбивали пальцы, освобождая барабаны от жгутов влажной соломы» (Ю. Черниченко).

Слово «дождь», как указывают толковые словари, имеет значение предметного типа и обозначает «атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды».¹⁰ В таком значении это слово сочетается с прилагательными крупный, бисерный, отвесный и т. п.: Бисерный дождь, по-видимому, зарядил надолго (Новиков-Прибой). В приведенном же нами контексте слово «дождь» обозначает прежде всего не атмосферные осадки, слово служит обозначением возникшей проблемы, неожиданно возникшего тяжелого препятствия. Значение слова, не теряя соотнесенности с предметным миром, получает событийное прочтение. Не случайно слово дождь хорошо сочетается в данном контексте с прилагательными, обозначающими признаки «проблемы», а не «атмосферных осадков»: А тут зарядили бесконечные (бесперывные, беспросветные) дожди. И, наоборот, невозможно распространение этого слова в данном контексте прилагательными, активизирующими в слове непроблемную сторону его значения. Невозможно: А тут зарядили бесшумные (бисерные, отвесные и т. п.) дожди.¹¹

Взаимодействие предметной и событийной семантики — явление довольно заурядное в речевой практике общества. Особенно широко оно распространено в сфере художественной и публицистической речи. Тексты двух этих типов неизбежно связаны с реализацией значений предметного типа, так как они не могут оста-

ваться только в сфере отвлеченной семантики. В них всегда есть скрепы, связывающие их с предметным миром. Однако в некоторых случаях мы встречаемся в текстах, где взаимодействие семантики предметного и отвлеченного типа носит весьма причудливый и разнообразный характер. Такого рода явления характерны, например, для таких текстов художественной речи, где в одном конкретном тексте, в зависимости от разрабатываемой темы, характера индивидуального мышления и стиля, замысла построения, мы можем одновременно столкнуться с различными механизмами реализации значений предметного типа. Приведем в качестве примера отрывок из стихотворения В. Бенедиктова «Перевороты»:

**Он видит той лестницы темной ступени,
Где образ былых, первородных растений
На камне оттиснут. В коре ледяной
Труп мамонта найден с поднятой ногой;
Там мумии древних фантазий природы —
Египет подземного мира, там — своды
Кряжей известковых и глинистых глыб
С циклоповой кладкой из черепов плотных,
Из раковин мелких, чуть зримых животных,
И моря там след с отпечатками рыб.
Над слоем там слой и пласты над пластами
Являются книгой с живыми листами.
Читает ее по складам геолог.
Старинная книга! Не нынешний слог!
Иные страницы размыты, разбиты,
А глубже под ними — граниты, граниты,
А дальше — все скрыто в таинственной мгле
И нет ни малейших следов организма;
Один указывает лишь дух вулканизма
На жар вековечный в центральном котле.**

Мы видим здесь слова с предметным значением, употребленные и как слова, имеющие соотнесенность с предметом (труп мамонта с поднятой ногой), и как слова, обозначающие отвлеченные понятия, но в то же время не потерявшие связи с обозначаемым предметом (раковины мелкие, чуть зримые животные, отпечатки рыб). Здесь мы встречаем предметную лексику, подвергшуюся метафоризации (Египет подземного царства, лестницы темной ступени, мумии древних фантазий природы, старинная книга). Все эти лексические единицы погружены в атмосферу событийной и оценочной семантики (Читает ее по складам геолог. Старинная книга! Не нынешний слог!). В то же время текст пронизан отблесками семантики научной теории: известковый, глинистый, вулканизм, организм. Отметим, что в речевой практике русского общества XIX века такие тексты единичны. Они следствие стечения обстоятельств, которые порождают отдельные тексты, а не типовые, воспроизводимые текстовые структуры. Ситуация изменится в связи с появлением СМК в XX веке.

Тексты массовой коммуникации настолько не похожи на тексты письменной словесности, что некоторые исследователи счи-

тают тексты СМК новым видом словесности. «Тексты массовой коммуникации, — писал Ю. В. Рождественский, — отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными». В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла».¹² Публицистические тексты — это тексты, функционирующие в основном в СМК и рожденные по большей части в СМК. Если анализировать речевую структуру этих текстов, то можно увидеть, что развитый в речевом отношении публицистический текст (например, аналитическая корреспонденция) формируется речевыми действиями, которые, в свою очередь, сформировались в различных сферах речевой практики общества. Здесь мы встретим речевые действия, свойственные художественной речи (например, предметное описание), речевые действия, характерные для сферы научной речи (например, отвлеченное рассуждение), речевые действия, характерные для официально-деловой речи (отвлеченное описание), речевые действия, свойственные разговорной речи и используемые при изображении диалога. Некоторые речевые действия сформировались в самих публицистических текстах (например, комментарий).

В аспекте семантическом такой текст представляет собой качественно новое образование. Это текст, семантическое пространство которого более многомерно, чем семантическое пространство любого другого текста. Предметная семантика оказывается в таком семантическом окружении, в каком она никогда раньше не существовала. Рядом с предметной семантикой оказываются значения событийного типа, фактообразующего, значения абстрактные. Все эти три типа значения представляют собой способы представления в тексте реального мира по мере возрастания степени отвлеченности этого представления. Предметная семантика: Были видны башни танков, цепочки людей с автоматами, горящие костры. Семантика событийного типа: Напряжение, казалось, нарастало с каждым часом. Семантика фактообразующего типа: 19 августа 1991 года в Москве была предпринята попытка государственного переворота. В некоторых отрезках аналитического текста, поскольку это публицистический, воздействующий текст, могут доминировать, носить текстообразующий характер значения модального плана: Было очевидно, что переворот обречен на провал. А также значения оценочного типа: Попытка переворота оказалась неудачной.

Существование слов с предметным значением в текстах с многомерным семантическим пространством обладает рядом особенностей, так как оказывается подчинено общей задаче — воздействовать на читателя. Если мы в тексте, анализирующем социальный конфликт, встречаем слова «девяэтажка», «общага», «обшарпанные комнаты», то понимаем, что эти слова с предметным

значением начинают актуализировать прежде всего имеющийся оценочный компонент значения. Слова указывают на несоответствие реального мира нашим представлениям о том, как должно было бы быть, что и является основой общего оценочного значения. Но принципиально важно то, что утилитарная оценка (обшарпанные комнаты) в воздействующем тексте не просто актуализируется, а может менять качество своего значения, трансформируясь в оценку этическую, эстетическую, моральную. Смысловая глубина слова с предметным значением в результате резко увеличивается. Подобные и другие трансформации предметных значений в публицистических текстах многочисленны и разнообразны.

В качестве нового типа текста с многомерным семантическим пространством предстает перед нами рекламный текст. Реклама, являясь одной из разновидностей текстов воздействующего типа, способна совмещать в своей речевой структуре вместе со словами предметной семантики слова с такими типами значений, которые в традиционных типах текста совместно с предметной лексикой не существуют. И сама предметная лексика в таких условиях получает функциональную специфику.

В рекламных текстах читатель попадает в мир зимних курток, свежих лимонов и апельсинов, обоев, питьевого спирта, сигарет, жевательной резинки, цветных карандашей, железных дверей, шелковых костюмов, колготок, кастрюль и других атрибутов нашего бытия. Но это мир предметных значений, утративших связь с конкретными единичными предметами. Это мир не отдельных вещей, а мир классов предметов, групп предметов, партий предметов. Как засушенная бабочка в музее представляет не себя лично, а вид, к которому она принадлежит, так и «комфортабельный автобус» в предложении «Проезд до Варшавы поездом, далее — на комфортабельном автобусе» обозначает не автобус, а класс автобуса, уровень услуг, степень престижности и т. д. Предметное значение вынуждено приспосабливаться к жизни в семантическом пространстве, формируемом прежде всего значениями фактообразующего типа, событийного, оценочного. К сожалению, семантическая организация рекламного текста до сих пор не была подвергнута исследованию. При всей кажущейся несерьезности, а иногда и примитивности этих маленьких текстов, мы имеем дело с семантическим феноменом принципиально нового типа, что видно, в частности, и на примерах функционирования в этих текстах предметной лексики.

В современной речевой практике общества тенденция к построению многомерных семантических пространств является устойчивой и проявляется в разных формах. Многомерный в семантическом отношении текст позволяет сформировать очень сложные семантические структуры, в задачу которых входит как интерпретация, представление внеязыковой действительности, так и выражение отношения автора к содержанию, к самому способу по-

строения текста, к участникам акта коммуникации. Предметная лексика неизбежно вовлекается в структуру такого текста, ее использование как бы служит залогом многомерности.

Появление все большего числа сложных в семантическом отношении текстов обусловлено еще одной причиной. Дело в том, что если в сфере речевой деятельности общества находится в обороте большое количество текстов, то неизбежно широкое распространение получает цитирование, в том числе и слов с предметной семантикой. Слово предстает читателю текста в виде миницитаты. Слово появляется как представитель другого, знакомого читателю, текста. Слово используется как «уже использованное». При этом слово несет на себе смыслы, которые закрепились за ним в первоначальном тексте. Слово как бы помнит их. Понимание таких слов и текста, в котором они использованы, в полной мере возможно лишь при знании первоначального текста. Таким образом строятся, например, песни группы «Любэ». Так, песня «Атас» опирается на такой известный, широко распространенный текст, как фильм «Место встречи изменить нельзя»: Глеб Жеглов, Володя Шарапов перестают быть именами собственными, оба эти слова получают понятийный компонент. Слова «банда», «горбатый главарь» также выступают как представители текста фильма, а не только как слова, объем которых равен словарному.

1 Признаком использованности может быть приобретен словом и в повседневной речи, в текстах, лишенных соотнесенности с конкретным автором. Это может быть и обиходно-разговорная речь, и тексты массовой коммуникации. В свое время получили известность авторы группы текстов, построенных на основе так называемых «перечеркнутых слов», — поэты-концептуалисты.¹³ «Перечеркнутые слова» — это слова, значение которых сформировалось в повседневной воздействующей речи, обусловлено механизмами массового сознания. Можно выделить, например, группу слов, в которых отражена система идеологических ценностей большевистского стиля мышления, запечатлены стереотипы массового сознания: сталинские соколы, пламенный мотор, будни великих строек и т. п. Использование уже использованных слов приводит к тому, что словесность, как писал М. Эпштейн, «становится в значительной мере словарной (не научно-словарной, а творчески слога-рной)». При этом словесность выходит как бы на «уровень своего самоописания, самоистолкования».¹⁴ Слово по качеству своего значения приближается к символу. Предметное значение не может быть определено указанием на предмет, оно, собственно, перестает быть чисто предметным. Такое слово требует истолкования в системе этических, эстетических ценностей какой-либо социальной группы. Создается текст об уже существовавших текстах:

**Свет струит конспект первоисточника.
Пламенный мотор поет все выше, выше.
Машет нам рукою непорочно
Комсомолка с парашютной вышки (Т. Кабиров),**

Идея смысловой множественности, семантической многомерности осознается и самими авторами текстов. Предметное слово осмысливается как представитель, делегат уже существующих исторических смысловых структур:

Полистилистика

**это когда средневековый рыцарь
в шортах
штурмует винный отдел гастронома № 13
по улице Декабристов
и куртуазно ругаясь
роняет на мраморный пол
«Квантовую механику» Ландау и Лифшица
(Н. Искренко).¹⁵**

Вторичное использование предметной лексики по принципу «использование использованного» обладает давней традицией. Так, уже в конце XVIII — начале XIX века введение в литературу мотивов античной литературы привело к вторичному использованию предметной лексики с уже закрепленным текстовым емклом. Однако лишь в наше время такое явление осознается не как частный случай литературного влияния, а как принцип формирования многомерной семантической структуры текста. Становится понятным, что с этой целью могут быть использованы не только слова, смысл которых сформировался в образцовых текстах, но и те слова, смысл которых считался ненужным для большой литературы, бросовым материалом, словно валявшимся по ногам, но не используемым. И только отдельным авторам, как например, В. Высоцкий, пришлось в голову и удалось достаточно талантливо использовать эти слова при построении литературных текстов высокого качества.

Изложенный выше анализ функционирования в тексте слов с предметной семантикой позволяет нам рассматривать этот тип значения как основу образительности и как сильное выразительное средство. Способность слова с предметным значением обозначать и конкретный предмет, и отвлеченное понятие приводит к существованию двух типов текстов, сформированных на основе предметной лексики: тексты, воссоздающие образ вещного мира, и тексты, формирующие сферу духовной жизни человека. Метафоризация и символизация предметного значения показывают нам, что предметное значение может быть переработано человеческим сознанием и превращено в особый тип отвлеченного значения сложной структуры с сильно развитой выразительной составляющей. Предметное значение как бы постоянно стремится включиться в формирование отвлеченных семантических структур. Смысловая структура текста благодаря наличию предметной лексики становится более многомерной и характеризуется все возрастающей смысловой глубиной отдельных слов. Качественно новыми многомерными семантическими структурами являются тек-

ты, сформированные в сфере СМК. Субъект речи вырабатывает все новые и новые приемы реализации предметного значения с целью достичь максимально полной степени самовыражения.

Вместе с тем следует заметить, что развитие речевой практики общества всегда сопровождается ее изучением. Это вызвано необходимостью обучения речевым действиям, необходимостью сознательного совершенствования навыков профессионалов речи. Любопытно проследить, как, по мере развития и усложнения речевой деятельности общества, меняется взгляд на функционирование слов с предметной семантикой. Поскольку предметное значение реализуется прежде всего и в основном в описательных речевых действиях, то следует обратить внимание на то, какое место уделялось в работах по теории словесности описанию и в систему каких речевых категорий это описание встраивалось.

Современные исследования речевых форм дают анализ описания, противопоставляя его повествованию, с одной стороны, и рассуждению — с другой.¹⁶ В такой трехчленной системе предметная семантика оказывается противопоставленной семантике событийного типа (повествование и практическое рассуждение) и семантике фактообразующего типа (информационное сообщение, отвлеченное рассуждение). Предметная семантика в этой системе связана с воссозданием в тексте пространственных отношений, событийная и фактообразующая — дают представление об отношениях временной последовательности/одновременности, о логических отношениях. Такая трехчленная система речевых форм хорошо выявляется в текстах художественной литературы XIX века и в текстах современных, написанных в русле этой традиции.

Однако так было не всегда. В риториках, созданных в античные времена и в написанных позже, но в русле античной традиции, описательная часть произведения не противопоставлялась рассуждению и повествованию. Риторика, содержащая теорию воздействующей речи, весь текст рассматривала как рассуждение. Описательная и повествовательная части воспринимались как один из элементов рассуждения, как один из способов аргументации. М. Ломоносов обращал внимание на способность предметного описания воздействовать на чувства и тем самым усиливать воздействие на разум: «Больше всего служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого сидища разум к чувствам свести¹⁷ должно и с ними соединить, чтобы он к страсти воспламенился».

Отдельно и независимо от воздействующей речи предметное значение было подвергнуто изучению в поэтике. Однако здесь объектом изучения было скорее не предметное значение само по себе, а необычное употребление предметного слова в эстетической функции, например, метафора.

Долгое время оставались вне поля зрения исследователей предметные значения, сосредоточенные в сфере исторической, мемуарной литературы, в сочинениях религиозных, естественно-научных. В этих типах текстов внимание сосредоточивалось на особенностях содержания. Что касается техники речи, используемой при их построении, то она специально не разрабатывалась. Это была проза необработанная, а следовательно, не существовало и осмысленной системы приемов построения таких текстов. Любопытно, как М. Ломоносов в своей «Риторике», рассказав о целой системе построения описательных отрезков, пишет о повествовании: «Что касается до порядка, в повествованиях наблюдаемого, то располагаются они по большей части натуральным образом, что после чего было, а особливо то наблюдается в важных и правдивых историях».¹⁸

В XVIII веке происходит формирование единой национальной литературы, осваиваются традиции европейской литературы. Предметные значения в разного типа текстах начинают осознаваться как элементы одной системы словесности. Н. Кошанский в своей «Частной риторике» говорит о поэзии и прозе как о двух главных отраслях словесности, выделяя в прозе такие ее разновидности, как Письма, Разговоры, Повествования, Ораторство, Ученость.¹⁹ Описание Н. Кошанский помещает в тот же раздел, что и повествования, видя его особенность в том, что если «повествование всегда говорит уму хладнокровно, с точностью, с беспристрастием», то описание «представляет воображению тот же предмет, но с большею живостью, с участием, с некоторым чувством, иногда с жаром».²⁰ Мы бы сказали, что повествование более отвлеченно по характеру семантики, а описание имеет тот тип значения, усвоение которого апеллирует к человеческим чувствам. Интересно, что в отделе «Повествования» Н. Кошанский помещает такие разновидности повествовательных текстов, как характеры, некрологи, анекдоты, летописи и жизнеописания, повести и романы, историю п отрасли ее. Историческое и художественное повествование еще не противопоставлены друг другу с такой четкостью и последовательностью, какую можно наблюдать в современной лингвистике при противопоставлении научной и художественной речи. Впрочем, и В. Белинский еще осмысливал в рецензиях сочинения исторические как факт русской словесности наравне с произведениями художественной литературы. Однако, так или иначе, но важно то, что Н. Кошанский очерчивает тот круг текстов, где предметное значение может реализовать себя прежде всего, и указывает при этом на определенную функциональную однородность этой группы текстов.

К середине второй половины XIX века предметное значение окончательно осознается как тип семантики, формирующей свою речевую форму — описание, противопоставленную повествованию как речевой форме, построенной на речевом материале более отвлеченного, более обобщенного характера. Предмет противопо-

ставляется событию. С другой стороны, описание противопоставляется рассуждению как речевой форме, элементы которой соединяются не на основе соположения (что имеет место в описании и повествовании), а на основе выявления разного рода логических отношений. Наиболее детально разработка этой трехчленной системы речевых форм (и одновременно типов текста) была проведена в рамках методики преподавания русского языка. Известный методист П. Е. Басистое писал об описании, повествовании и рассуждении как о главнейших формах сочинения и одновременно как об основных составных частях любого текста: «... в сущности эти три формы входят все вместе почти во всякое упражнение: нельзя ни рассказать, ни описать чего бы то ни было, не рассуждая; с другой стороны, и рассуждая не обойтись без описания предметов и без рассказа о фактах».²¹

Идея этой трехчленной системы речевых форм, в которую вписана предметная семантика, с отдельными изменениями и вариациями дожила и до настоящего времени. Современная семантика дает все основания утверждать, что эта идея исчерпала себя. Слово с предметной семантикой в современном тексте часто оказывается в тесном соседстве с языковыми единицами, обладающими совершенно другим типом значения — событийным, фактообразующим, абстрактным, оценочным, субъективно-модальным. Субъект речи в своих речевых действиях может оперировать этими семантическими объектами, располагая их и на основе соположения (как в описании и повествовании), и на основе выявления логических отношений между ними (как в рассуждении). Поэтому изучение отношений человека с предметной семантикой в семантическом пространстве современного текста требует принципиально новых подходов.

¹ Гадамер Г.—Х. Истина и метод. М., 1988.

² Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 184.

³ «...В поэзии, особенно лирической, — писал В. Кожин, — нельзя отвлечься от слов. Можно ясно представить себе роман, не помня ни одного слова из тех, которые его составляют. Но совсем не помня слов, составляющих поэтическое произведение, можно сохранить лишь общее неясное воспоминание о нем» (Поэзия и проза // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. С. 932).

⁴ См., например, об этом: Налимов В. В. О некоторой параллели между принципом дополнительности Бора и метафорической структурой обыденного языка // Принципы дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976. С. 121 — 123.

⁵ См. об этом: Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 75—77.

⁶ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 93—111.

⁷ Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и ндиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990. С. 31.

⁸ Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 128.

⁹ Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 191.

¹⁰ Словарь русского языка: В 4-х т. Т. I. М., 1981. С. 417.

Н Материалы из книги: Горбачевич К. С. Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского языка. Л., 1979. С. 119—120.

•/рождественский 10. В. Введение в общую филологию. AV 979. С 63.

Я См например: Эпштейн М. «Как труп в пустое лежал...» (U поп московской «тин) //День поэзии. 1988. М.. 1988. С. Б59-162

" Эрштейн Л. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX XX ков. М., 1988. С. 159.

W[^] ай е в ^ П ^ н а л ь й о - с м ^ в типы речи (описание, SS i& * красноречию//Пол, собр.

.оч т f М. — Л., 1952. С. 169-170.

'> Там же. С. 354.

i« Кошанский Н. Частная риторика. Изд. 1-е. СПб.. WW. R, q

•i'S.cTOB П.⁵!. Заметки о практическом преподавании русского языка. М.. 1878.

Т. И. Краснова

СЕМАНТИКА ОТРИЦАНИЯ

(на материале публицистики)

Создание коммуникативно-прагматической теории языка с активной грамматикой, лексикологией (лексикографией) и стилистикой речи необходимо связывается кроме семантического с оно-масиологическим подходом к исследованиям, то есть с анализом различных средств в интерпретации общей идеи.

Идеографическое описание языка и русской речи не новость, оно заложено в трудах многих русских исследователей (А. А. Потемни, И. А. Бодуэна де Куртене, А. М. Пешковского, Г. О. Винокура, Л. В. Щербы, М. М. Бахтина, В. Я-Проппа. Р. Якобсона. В. В. Виноградова и др.). В современной лингвистике эта исследовательская традиция совпала с общим поворотом, во-первых, к деятельности человека в языке и посредством языка (в русле теории речевого поведения), во-вторых — к изучению когнитивной функции языка, его отражательных способностей по отношению к той реальности, в которой он существует и «действует». В последнее время теория идеографии детально разрабатывалась в двух аспектах: в связи с прикладными задачами обучения русскому языку как иностранному и в связи с общей тенденцией к изучению более внутренних, «идеологических» и более сложных, «субъектных» сфер языкового сознания.¹

Характер объективной действительности, в виде основных идей своего времени, наиболее концентрированно и открыто выражается в публицистике, в языке газетных и журнальных публикаций. Нет сомнений в том, что диалогические отношения, которые складываются между текстом и аудиторией², в конечном итоге оказывают влияние и на структурно-семантические изменения в языке.¹ В этой связи особую актуальность представляет идеографическое описание ведущего речевого стиля нашей эпохи — публицистического, а также последствий того влияния, которое оказывает публицистика на другие функциональные разновидности языка, стили речи.

Во всякую переходную эпоху главным процессом в преобразовании общества становится ОТРИЦАНИЕ, что в глобальном смысле предполагает весь процесс перехода системы в иное качественное состояние и его результат. Отрицание подразумевает известную структуру противоречия, вместе с тем «отрицание охватывает процесс разрешения противоречий и диалектический скачок».⁴